

DOI 10.5393/j9.art.2016.3842

УДК 821.161.1.09“1917/1992”

Наталья Викторовна Пращерук*Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Российская Федерация)*

pnv1108@gmail.com

**ОПЫТ «ОЧИЩЕНИЯ СЕРДЦА»
В СВЯТООТЕЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ:
О ПОВЕСТИ Е. ДОМБРОВСКОЙ
«ВЕСНА ДУШИ. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ
РАБЫ БОЖИЕЙ АННЫ»**

Аннотация. В статье анализируется одно из произведений современной духовной прозы. Опираясь на традиции православия, автор следует критерию, разделяющему душевный и духовный аспекты жизни христианина, раскрывает опыт поэтапного «очищения сердца», пережитый обычным человеком, опирается на толстовскую «диалектику души», которая связывается с аскетической практикой самопознания. Повесть возвращает нас к той традиции духовного письма, которая раскрывает внутреннюю брань человека со своими страстями и помыслами. Эта традиция была во многом вытеснена житийным каноном, предполагающим иной ракурс изображения — внешних подвигов и достигнутых состояний святости. Концептуальной установкой, организующей процесс самопознания и познания мира, становится глубокое понимание-переживание святоотеческого принципа «определительности» — потребности ума находить Божественные основания (логосы) каждого явления, каждой вещи. В этом аспекте по-новому осмысляются характер творческой деятельности человека, природа таланта. Документальность, автобиографичность и прямая отсылка к евангельским и святоотеческим источникам органически соединяются в тексте с образным словом, мастерством описаний, с погруженностью автора в мир художественной литературы.

Ключевые слова: духовная проза, святоотеческая традиция, православная аскетика, духовный путь, документальность, автобиографическая основа, сюжет, образность

Екатерина Домбровская — автор книг, которые не известны широкому читателю¹. А между тем это вещи уникальные, поскольку — при высоком уровне владения образным словом — автор последовательно, с опорой на святоотеческую

традицию, придерживается четкого критерия, разграничивающего душевный и духовный опыт. И пишет именно о духовном опыте и духовном возрастании².

Задача огромной сложности и тонкости. Каждый шаг, каждое движение души своих персонажей автор сверяет с учением Церкви, с православной аскетикой. В аннотации к повести «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны» Е. Домбровская замечает: «Эта книга — и есть попытка погружения в глубины сердечной жизни человека, который, услышав зов Божий, пришел в Церковь, где Господь благословил ему нелестного наставника, о котором можно было бы сказать, что вот он — “един из древних”»³. Перед нами редкое произведение в современной светской литературе, являющее открытую аскетику в живом опыте самого обычного человека⁴.

Основой повествования стал рассказ о том, как образованная москвичка, журналист и писатель, после смерти сына принимает на двадцать лет добровольное послушание при монастыре. Произведение построено таким образом, что бытовая сторона жизни Анны, мир семейных и социальных отношений даются в аспекте ее духовного пути.

Книга имеет автобиографическую основу, но писатель не акцентирует это, а, напротив, вводит повествователя, рассказывающего историю другого человека — Анны, оставившей свои дневники. Такое «осложнение» повествовательной структуры наряду с другими аспектами формы призвано донести до нас тему слова, услышанного другим.

Логику развертывания смысла можно проследить уже в заголовках частей, составивших книгу. Повесть начинается главами: «Я видел монахов...» и «А почему нам должно быть хорошо?» и завершается — «Аще забуду тебе, Иерусалиме...», названной строчкой 136-го псалма: словно обозначены начало духовных исканий и их итог. Символичны и другие названия, по ним угадываются основные вехи пути, ведущего к обретению духовной родины: «Смиряться, девочки!», «Обруган, высмеян, испытан...», «Явления Ангелов», «Христос никогда не отдыхает...», «Вино умиления», «Любить с креста», «Не сообразуйтесь с веком сим...». Можно говорить о заголовочном

ансамбле, который становится настоящим путеводителем по удивительному миру этой непростой книги. Каждый заголовок, чаще всего символической или же сложно-ассоциативной природы, как будто проходит своеобразную процедуру «раскодирования». Например, глава «Любить с креста» расшифровывается так: *«Лето под соснами. 33-ий километр. Уканул в сердце огонек... "Юбочницы" и фарисеи. Наука игуменьи Арсении»* (курсив мой. — Н. П.). В этих пояснениях не только заключена логически-информативная подсказка, но и обозначено многое другое, относящееся и к смысловому объему всего произведения в целом, и к тому, как автор работает со словом. В частности, указанный пример «расшифровки» выбрал поэтическое именование хронотопа и наиболее конкретную констатацию места, метафору мига обретенной сердечной радости, возвращающую нам, между прочим, забытое слово, и намек на человеческий конфликт, имеющий вместе с тем духовную подоплеку.

Главы предваряются эпиграфами — цитатами, преимущественно, из святоотеческих трудов. Они не просто обобщают смыслы рассказываемого, но возводят их на новую духовную высоту и, по существу, играют роль словесной иконы (это определение особого жанра и особой функции литературного текста, кстати, использует Владыка, когда дает послушание героине написать «Словарь христианских понятий» — см. об этом дальше). А главы — это своего рода клейма на иконе [3, 286].

Посвящением «СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АРХИЕПИСКОПА АЛЕКСИЯ (ФРОЛОВА) (1947+2013)», которое появилось в новом издании, обозначено самое главное в этой книге — ее духовный и сердечный центр, масштабность авторской задачи и мера ответственности за написанное.

* * *

Е. Домбровская, в отличие от многих современных авторов, с самого начала не скрывает трудности, которые приходится преодолевать христианину (см. об этом: [4]; [6, 555]):

Разумеется, и старец учил христовой любви <...> можно даже сказать, требовал от чад, но все-таки дух его аскетической школы чуть-чуть, едва заметную малость смещал акцент

в сторону суровости и некоторой непреклонности: и в требованиях к самому себе, и к своим ученикам. Впрочем, и эта требовательность была ничем иным, как проявлением предельной немалодушной Небесной высоты любви, о которой когда-то гениально сказал в своем Слове на Великий Пяток святитель Московский Филарет (Дроздов)⁵ <...> Любовь Духовника была распинающая. Он нес истинную Правду Креста. И недаром в его келье Анна <...> однажды <...> увидела на столике только что изданные тогда «Слова и речи» святителя Филарета со многими в них закладками (38–39).

Строгость — спасение от «суррогатной душевности» и залог подлинности обретенного — реального преобразования души человеческой от «образа» к «подобию». Такая проблематика практически не ставится в современной беллетристике (см. об этом: [4]).

В данном случае автор показывает как раз трудность евангельского «узкого пути», обойти который нередко пытаются современные церковные люди. «Весна души» — очень правдивая книга, жесткая, но потому и выполняющая в полной мере функцию духовной литературы — врачевание наших душ (см. об этом: [1]; [6, 554–555]).

Осознать масштабность и новизну представленного в книге опыта помогает четкое разделение автором двух традиций духовного письма. Речь идет о том, что житийный канон, определяющий особый ракурс повествования о святых, практически вытеснил из нашего сознания традицию аскетических опытов, поэтапно описывающих труд «возделывания внутреннего человека». Тексты эти «были труднодоступны и постепенно вытеснялись житийным этикетом, в котором присутствовало довольно схематичное перечисление нередко немислимых внешних подвигов: постов, вериг, огромных вычитываемых молитвословий и т. п., и крайне редко обращалось внимание на внутреннюю брань человека с кишасцами в сердце страстями и помыслами. Так “умное делание” — возделывание своего внутреннего человека — постепенно уходило из широкой практики...» (391). Книга «Весна души» — редчайшая возможность приобщиться к почти пресекшейся традиции. Автор предлагает нам пройти вместе с Анной

путь исцеления души, стать сердечным ее сотаинником. Нам явлена духовная реальность в ее глубине и напряженной динамике.

* * *

Если говорить о способах развертывания этой реальности в тексте, то очевидно, что писатель опирается на толстовскую «диалектику души» [9, 426], которая вовсе и не так далека от аскетической практики самопознания, именуемой святыми отцами «трезвением»⁶. Уже с самых первых глав на наших глазах разворачивается поучительная картина брани внутреннего человека с самим собой, что предполагает жесткий, неллицемерный самоанализ (а это немислимо трудно, так как привычные всем самооправдания здесь запрещены). Автор пишет, как, например, поступает Анна в самом начале пути: постигая азы непомерно сложной науки восхождения к смирению и «поддавлявая» себя на тщеславном помысле:

Итак, перед Анной стояла задача — смиряться <...>. И она пыталась делать все, что только могла и не могла. В первый год, едва познакомившись с несколькими монахинями, благоговевая перед их чином <...> она бросилась завязывать шнурки на ботинках, когда они развязались у одной из матушек. <...> себя Анна подловила на тщеславном помысле, словно ей кто-то хитро-льстивый шепнул: «Какая смиренница наша Анна!», тем более что все происходило на монастырской соборной площади, куда выходили окна Духовника. <...> Слышала ли она тогда движения своего тщеславия, отгоняла ли молитвой подобные помыслы — трудно сказать. В ее тетрадах молитвы, которые благословляли святые отцы читать для борения с тщеславными помыслами, появились позже (103–104).

Повествовательная манера автора стереоскопична. Детализация, связанная с воспроизведением впечатлений, реакций, переживаний, вернувшихся через годы, соединяется с обобщениями сегодняшнего видения и понимания, добытых тяжелым опытным путем (см. об этом также: [10]).

Анна не останавливается на душевном, она добирается до духовных оснований и первопричин. Перед нами — техника и технология очищения сердца с беспощадным «вскрывани-

ем мозга и грудной клетки» (самой Анной или ее духовным отцом), с пристальнейшими наблюдениями за изменениями состояний и «улавливаниями» даже намеков на те или иные помыслы, уводящие от Истины. Такая внутренняя работа носит отнюдь не головной характер, она полита живой кровью горячего сердца: осуществляется не препарирование «мертвого тела», но рождение в новую подлинную жизнь, которое с обязательностью закона должно быть оплачено непрестанно совершаемым евангельским самоотречением⁷.

Важные пояснения к тому, что переживает Анна, содержит глава «Искусство стегания одеял». Заголовок, как будто бы адресующий нас к конкретному делу-ремеслу, носит метафорический характер. Не случайно цепочка «расшифровок» к главе завершается серьезно и высоко: «Даждь кровь и прими дух». Но при этом подчеркнутая обыденность названия выполняет и другую функцию: как в освоении искусства стегания одеял, так и в этой, казалось бы, далекой от наших повседневных работ деятельности, необходимы конкретные, терпеливо и ответственно исполняемые шаги, а также навыки, приобретенные последовательным выполнением определенных действий — безропотным терпением находящихся человека испытаний и скорбей.

Необходима труднейшая практика самопознания, требующая сосредоточенности, самоотдачи и мужества, поскольку погружение в глубины собственного сердца — процесс болезненный — потому и «отдай кровь...»: «Всё почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения» (Евр. 9:22). <...> Она уже готова была жить на земле как в раю, а тут ей вдруг предложили вернуться в... ад» (193).

Главе предпослан эпиграф из трудов прп. Никиты Стифата о труде самопознания (189). Самопознанием начинается аскетический опыт, преобразующийся на зрелых ступенях в «умное делание», которое базируется на «трезвении» и «внимании». Самопознание совершается на пути претерпения искушений и никак иначе — «с великою радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание веры производит терпение» (Иак. 1:2). Именно в жестокой брани с искушениями мы учимся труднейшему

навыку — самоукорению, которое только и приводит к подлинному покаянию и сокрушению. И тогда возможно достичь желанного: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» (50 пс.). Потому прп. Никита Стифат и полагает, что познавший себя духовно уже совершил все заповеди (189).

Автор намеренно не скрывает слабостей Анны и того, как достигаются ею маленькие победы над собой, в которых она тем не менее всегда оказывается, с мирской точки зрения, в роли побежденной. Эти правила аскетической науки трудно даются нашему житейскому пониманию. Только в состоянии сокрушения (кенозиса), в сердечно выстраданном осознании, что ты-то и есть фарисей, что ты «нищее всех», «хуже всех», «тише воды — ниже травы» или же «тебя нет» — ты берешь еще одну ступеньку в своем духовном возрастании, делаешь шаг вперед к освобождению от ветхости в себе. Радость, которая наполняет сердце в такие минуты, — это прикосновение к подлинному, к Истине. И ее ни с чем другим невозможно сравнить или перепутать.

В книге, безусловно, много боли — и это закономерно, поскольку «только скорби выбаливают грех». Но при этом автор описывает «высокие точки духовного бытия» своей героини, которые были ей дарованы и памятью о которых полнится и живится ее сердце: «Путь Анны в Церкви складывался своеобразно. Господь первоначально давал ей случаи прожить в редких, но предельно ярких мгновениях какие-то высокие точки духовного бытия, чтобы потом отойти, оставив ее только с памятью об этих высоких духовных состояниях...» (189–190).

При этом Е. Домбровская верна духу и смыслу Предания: о неотмирном опыте свидетельствуется в контексте того самого «трезвения», без которого немислима верная духовная оценка того, что же с человеком происходит. И здесь, по всей видимости, следует упомянуть еще одну очень важную авторскую установку, которой руководствуется писатель, обобщая опыт своей героини. Речь идет о том, чему учил автора когда-то его Духовник, а именно «определительности» — потребности ума (приобретаются и соответствующие навыки

мышления) выискивать Божественные основания каждой вещи под солнцем, каждого явления и состояния⁸.

* * *

Святые отцы эти «основания» называли Божественными логосами — заданными Самим Творцом основаниями всему сущему. Е. Домбровская, поясняя этот принцип «определительности», полагает, что он мог бы стать главным в воспитании и образовании в целом: «Логосы Божии — это “смысл всех смыслов” (свт. Григорий Богослов), внутренняя основа и сущность всего существующего. Святые отцы говорили о логосах как о “первообразах, которые существуют помимо чувств” (прп. Максим Исповедник), как о Божиих “идеях-волениях, волящих мыслях” (прп. Иоанн Дамаскин). <...> Логосы — это образующее начало всякой твари и орудия, посредством которых Бог творит мир. Это “действующая причина всего сотворенного” (свт. Василий Великий), и идея, и принцип, и закон тварного бытия, и цель, к которой тварь должна быть устремлена...» (418).

Само «устройство» книги, высокая простота смыслов и композиции ее, правда настоящего русского слова — это и есть пример реализованного в творчестве принципа «определительности». И урок смирения — от автора, самого прошедшего школу сокрушения. Особенно поучительна история последнего послушания, которое Духовник дает Анне, — написания «Словаря христианских понятий».

Если исходить из нашей «суррогатной душевности», вполне понятны стремления героини, ее переживания и обиды. Будучи пишущим литератором, профессионалом высокого класса, она была отлучена от любимого дела на целых 17 лет — в соответствии с традиционной духовнической практикой, предполагающей спасения души ради (если собираешься остаться в монастыре, а героиня очень стремилась к этому) глубокое самоотречение от всех своих «имений» — в том числе и от некоего признания за собой достоинств профессиональных. Объяснение сути этой практики содержится в суждении о Софрония (Сахарова), приведенном в эпиграфе к главе с характерным названием «Обруган, высмеян, испытан»: «Если я одарен умственно для серьезной научной

работы или для художественного творчества, то мой успех явится поводом к тщеславию, и становится невозможным найти глубокое сердце: место духовной молитвы» (119). А далее — в главе «Оливковый пресс» — речь идет о состоянии «беспокровного странничества» как необходимом этапе очищения сердца и достижения той самой «определительности»: «Что-то очень глубокое, сакральное, до священного ужаса бесконечное открылось тогда потрясенному сознанию Анны... Первая заповедь: "...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею..." (Мк. 12:30). <...> Заземленный человек ищет дела. А отшельник? Ему что становится делом? Только молитва...» (290). И Анна начинает постигать истину слов великого святителя Филарета Московского, которые «он произнес однажды в своей проповеди на Рождество Христово: "Беспокровные токмо странники входят в Вефиль и Вифлеем — дом Божий и дом Хлеба животного. Только произвольные изгнанники земли приемлются в граждан неба"» (303). В этой главе, по существу, развернуто обоснование «узкого пути» Анны. Иначе — гордости в человеке не поколебать.

Наконец, запреты сняты — Анна получает благословение вновь заняться писательством. Ее рвение в исполнении послушания — при всех очевидных положительных мотивах — обнаруживает тем не менее в сердечных глубинах то, с чем, как ей казалось, она уже справилась. Недостаточно еще был очищен ум Анны от старых взглядов — «предзанятых понятий»⁹. Однако все должно быть пересмотрено заново в свете Христовом, а то, что рождено неверием или полуверием, смешением разных душевно-духовных стихий и культур, добра и зла, нельзя автоматически взять в работу. Состояние Анны отягощено еще и «злопомнением боли»¹⁰, обостренным душевными страданиями, которые связаны с неосуществившимся монашеством.

Много позже, когда уже Духовник покидает монастырь, Анна осознает, что же на самом деле с ней произошло: «Выработался некий навык, который тогда, в отсутствии бдительности, бездумно (не без давления ущемленной гордости) и сработал механически — как автомат» (456–457).

Особенно ей памятна, как она выражается, двадцатистраничная «публицистическая простыня» вместо четырехстраничной вступительной статьи к словарю, краткой и внятной.

Обобщая переживания Анны, автор отмечает, как в процессе работы она изменилась:

Вообще же, несмотря на то, что работу над «Словарем понятий» Анна самочинно прекратила — <...> мозг ее, душа и сердце неустанно продолжали над словарем работать. Вся ее внутренняя «механика» была уже переформатирована, о чем она сама пока не подозревала, не замечая, что стремление определять и описывать понятия, приникать всецело к звучаниям Божественных логосов, питать ими свое сердце стало теперь всецелым влечением ее духа, потребностью, без утоления которой она не могла жить... (469).

* * *

Путь Анны раскрывается и в испытаниях ее отношений с окружающими людьми. Что претерпеть, как поступить, чтобы эти люди, часто не отличающиеся добродетельным поведением, становились действительно «ближними»? В понимании того, какой должна быть любовь к ближним, Анна опирается, безусловно, на апостольское определение и вместе с тем приводит расшифровку из поучений игумении Арсения (Себряковой): «...если любить ближнего для себя, надо желать исполнения своих хотений, своей плотской воли. Если любить его ради самого, надо исполнять его волю, его желание. А если любить ближнего ради Господа, то надо стремиться и в отношении его исполнять волю Божию и ходить непорочно во оправданиях Его. Будем любить ближнего ради Господа» [5, 34–35].

Настоящие уроки именно такой любви — «к ближнему ради Господа» — дает ей наставник, начиная с первых шагов ее послушания. Некоторые его оценки, поступки — нам, оценивающим их с позиций душевности и житейского здравого смысла, могут показаться даже жестокими. Так, например, когда Анна страдала болезнью сердца и сказала об этом Духовнику, он, «не вдаваясь в расспросы, мгновенно отпарировал, как выстрелил: “— Сердце болело, говоришь? — Так

это от гордости”» (135). Подобным образом он объяснил героине и ее внутреннюю робость. Только пройдя большую часть своего пути, Анна начинает понимать, какой целебной силой обладало это горькое лекарство. Ведь без него она вряд ли смогла бы «вырваться из этого темного и душного плена саможаления» (137). Смирясь, она все явственнее чувствует силу молитв наставника за своих духовных чад.

Образ Духовника Анны можно считать центральным в книге. Автор, следуя за героиней, обращается к нему на протяжении всего произведения: «Он не терпел лжи, притворства, “игры” — даже в самом тонком ее проявлении, — все ведь это было знаком прелести — опасной церковной болезни. А прелесть эта в то время вылезала из всех щелей. <...> Стяжать святость было сверхтрудно. А играть в святость, изображать ее — ничего проще» (57–58).

Прообразом старца является архиепископ Костромской и Галичский Алексей (Фролов), известный строжайшей аскетической верностью духу Евангелия. Вспоминая наставника, Е. Домбровская пишет: «Владыка Алексей нередко обращал сердечное внимание чад к воззрению на реальность духовную. И то, как он это делал, действительно помогало тем, кто стремился <...> с притрудностью искать в своем сердце видение иной, подлинной реальности. В том числе и в пространствах истории»¹¹. В книге достаточно эпизодов, которые более чем ярко иллюстрируют эти слова. Один из них — о том, что переживает Анна после Литургии в честь святого равноапостольного князя Владимира: «Неземной покой или тишина, не святое даже расположение души, которое бывает в Церкви после Причастия, но состояние <...> “мира Божия, который превыше всякого ума”, “исполняющего все существо наше непостижимую силою и небесною сладостию” (свт. Игнатий (Брянчанинов))» (377).

* * *

Книга завершается знаковым событием — отъездом Владыки в другую епархию. Анна остается без наставника с приобретенным духовным «багажом». Пройдя «школу сокрушения», она переживает состояние подлинной духовной радости. Символично, что это время перед началом поста, когда Анна

«уже трепетала сердцем от ожидания <...> радости, ни с чем в этой жизни не сравнимой: ощущения себя крупницей соборного единства Церкви, причем не только в пространствах горизонтали жизни, но и в пространствах вертикали — в единении с предками»: «Однако нужно было идти в дом: вечерело, пора было затапливать печку. К ночи обещали метель...» (511).

Картина весны, чреватой метелью, полна символики. Не таков ли наш путь возвращивания в себе «драгоценного пред Богом» духовного человека? Путь, который, пока мы живы, завершить невозможно, как и измерить его «оземленным, преданным вещественности рассудком». Потому пластика открытого финала, вобравшая многолетний опыт русской классической литературы, — это не только обозначение авторского нежелания формально итожить судьбу Анны. Это, наверное, единственно возможное завершение книги, помогающей читателю заглянуть и в глубины собственного сердца.

Примечания

- ¹ Домбровская Е. Воздыхания окованных. Русская сага. Ontario, 2012; Домбровская Е. Путь открылся... Чехов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/avtor/skityanka&book=41#41>; Домбровская Е. Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны. М.: У Никитских ворот, 2016. 512 с.
- ² «По учению Апостола Павла, духовный человек четко отличается от человека душевного. Духовным является тот человек, который имеет в себе действие Святого Духа, тогда как душевным человеком является тот, у кого есть душа и тело, но кто не стяжал Святого Духа, дающего жизнь душе.
Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может (1 Кор. 2:14–15)» [2, 9].
- ³ Домбровская Е. Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны. М.: У Никитских ворот, 2016. С. 2. Далее повесть цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁴ «В православной традиции не существует разделения между монахами и мирянами — в том смысле, что все должны в жизни следовать заповедям Христовым. Различается просто место несения подвига и его мера, в то время как цель одна и та же. Мы все призваны возрасти от состояния “по образу Божию” к состоянию “по подобию”» [2, 124].
- ⁵ См. об этом: [7]; [8].

- ⁶ «Духовное бдение, постоянное внимание к тому, чтобы помысел не покинул рассудок и не вошел в сердце. В сердце должен находиться именно ум, а не помыслы. Это духовное бдение и называется трезвением» [2, 132].
- ⁷ «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником. Соль — добрая вещь; но если соль потеряет силу, чем исправить ее?» (Лк. 14:33–34).
- ⁸ «Совершенство духовное — это великая способность различения добра и зла, пребывание совершенного ума в истинной иерархии ценностей и правильных понятий о чем бы то ни было в жизни, это та самая определительность, о которой писал святитель Игнатий (Брянчанинов): “Определительность в религиозных и нравственных понятиях имеет необыкновенную цену; неопределительность — большой недостаток, отзывающийся во всех действиях шаткостью, непрочностью...”» (389).
- ⁹ «В случае Анны речь должна была бы идти о тех самых “предзанятых понятиях” (прежних впечатлениях), которые бесконтрольно пронеслись тогда сквозь нее, не успевшую насторожиться и потребовать паспорта у тех злосчастных помыслов...» (457–458).
- ¹⁰ «“Есть и такой род злопамятности, — владыка говорил как-то нарочито медленно и тихо <...>, — когда человек помнит то место или того человека, который делал ему больно, и хотя, казалось бы, не держит зла на этого человека, но источник боли, место и обстоятельства, чреватые испытанием вот такой же боли, старательно обходит за версту... <...> Это ли не злопомнение? А ведь надо прощать чисто, до конца, духовно “забывать”...”» (462–463).
- ¹¹ Домбровская Е. «Подвизайся даже до крови»: Памяти архиепископа Алексия (Фролова) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/66550.html> (04.05.2015).

Список литературы

1. Долгова Е. Русская духовная проза 30–70-х годов XIX века [Электронный ресурс]. — URL: <http://aseminar.narod.ru/dolgova.htm> (05.12.2014).
2. Иерофей (Влахос), митрополит. Православная духовность / пер. с новогреческого. — М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009. — 136 с.
3. История иконописи. Истоки. Традиции. Современность. — Тверь: ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 2010. — 288 с.
4. Леонов И. С., Корепанова В. А. Поэтика православной прозы XXI века. — Ярославль: Ремдер, 2012. — 122 с.
5. О любви // Чистое сердце. По трудам игумении Арсения (Себряковой). — М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2010. — С. 34–35.

6. Пращерук Н. В. Духовная проза Станислава Минакова // Церковь. Богословие. История: материалы III Международной научно-богословской конференции. — Екатеринбург: Информ.-изд. отдел ЕДС, 2015. — С. 554–560.
7. Филарет (Дроздов), митрополит. Пространный Православный Катихизис (Катехизис) Православной Кафолической Восточной Церкви. — М.: Сибирская Благовонница, 2013. — 160 с.
8. Филарет (Дроздов), митрополит. Слова и речи; Житие преподобного Сергия Радонежского и всея Руси чудотворца. — [Репринт. изд. 1835 г.]. — М.: Планета, 2014. — VII. — 589 с.
9. Чернышевский Н. Г. «Детство» и «Отрочество». Военные рассказы графа Л. Н. Толстого // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. — М.: ГИХЛ, 1947. — Т. 3. — С. 418–459.
10. Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. — Пб.; Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. — 78 с.

Natal'ya V. Prashcheruk

*Ural Federal University
(Yekaterinburg, Russian Federation)*

pnv1108@gmail.com

**AN EXPERIENCE OF “HEART PURIFICATION”
IN PATRISTIC UNDERSTANDING:
E. DOMBROVSKAYA’S STORY
“THE SPRING OF SOUL.
LIFE SCENES OF ANN, THE SERVANT OF GOD”**

Abstract. One of the works of modern spiritual prose is analyzed in this article. Basing on Orthodox traditions the author follows the criterion distinguishing emotional and spiritual aspects of Christian life, reveals the experience of gradual “heart purification” gained by an ordinary person, relies on Tolstoy’s dialectics of the Soul related to ascetic practices of self cognition . The text brings us back to the tradition of patristic literature that discovers Man’s fight against his sins and passions. This tradition was mainly substituted by the hagiographic canon that shows only the external feats of a saint and his status of holiness. Deep comprehension of the patristic principle of “determination”, seen as the need of mind to perceive everything as Divine wisdom (Logos), becomes a conceptual point organizing the process of knowledge and self-knowledge. Thus, the process of creation and the nature of talent are understood in a completely new way. An autobiographical and documentary character and a direct reference to the gospel and patristic sources are masterly combined in the text with the writer’s figurative word, depictive skills and his knowledge about the imaginative literature.

Keywords: spiritual prose, patristic tradition, Orthodox asceticism, spiritual journey, documentary character, autobiographical basis, plot, imagery

References

1. Dolgova E. *Russkaya dukhovnaya proza 30–70-kh godov XIX veka* [*Russian Spiritual Prose of the 1830s–1870s 19th Century*]. Available at: <http://aseminar.narod.ru/dolgova.htm> (accessed 5 December 2014).
2. Ierofey (Vlakhos), mitropolit. *Pravoslavnaya dukhovnost'* [*Orthodox Spirituality*]. Moscow, The Holy Trinity St. Sergius Lavra Publ., 2009. 512 p.
3. *Istoriya ikonopisi. Istoki. Traditsii. Sovremennost'* [*The History of Icon Painting. Origins. Traditions. Modernity*]. Tver', Tver's Printing Plant Publ., 2010. 288 p.
4. Leonov I. S., Korepanova V. A. *Poetika pravoslavnoy prozy XXI veka* [*The Poetics of Orthodox Prose of the 21st Century*]. Yaroslavl', Remder Publ., 2012. 122 p.
5. O lyubvi [About Love]. *Chistoe serdtse. Po trudam igumenii Arsenii (Sebryakovoy)* [*A Pure Heart. Based on the Writings of Abess Arseniya (Sebryakova)*]. Moscow, The Orthodox Brotherhood of St. John the Theologian Publ., 2010, pp. 34–35.
6. Prashcheruk N. V. *Dukhovnaya proza Stanislava Minakova* [*Spiritual Prose by Stanislav Minakov*]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya* [*Church. Theology. History*]. Yekaterinburg, Information and Publishing Department of Yekaterinburg Theological Seminary Publ., 2015, pp. 554–560.
7. Filaret (Drozdov), mitropolit. *Prostrannyi Pravoslavnyy Katikhizis (Katekhizis) Pravoslavnoy Kafolicheskoy Vostochnoy Tserkvi* [*Voluminous Orthodox Catechism (The Catechism) of the Orthodox Catholic Eastern Church*]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2013. 160 p.
8. Filaret (Drozdov), mitropolit. *Slova i rechi; Zhitie prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo i vseya Rusi chudotvortsya* [*Words and Speeches; Life of St. Sergius of Radonezh and All Russia the Wonderworker*]. Moscow, Planeta Publ., 2014, 589 p.
9. Chernyshevskiy N. G. «Detstvo» i «Otrochestvo». *Voennye rasskazy grafa L. N. Tolstogo* [*“Childhood” and “Adolescence”. War Stories of Count L. N. Tolstoy*]. *Chernyshevskiy N. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [*Chernyshevsky N. G. The Complete Works: in 15 Vols*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1947, vol. 3, pp. 418–459.
10. Eykhenbaum B. *Molodoy Tolstoy* [*Young Leo Tolstoy*]. Petersburg, Berlin, Z. I. Grzhebin Publ., 1922. 78 p.

Дата поступления в редакцию: 20.08.2016